

УДК 37.015.3

<https://doi.org/10.20310/1810-231X-2025-24-3-50-61>

Поступила в редакцию / Received 20.08.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 26.09.2025

Принята к публикации / Accepted 29.10.2025

оригинальная статья

Восприятие культурного разнообразия школьными учителями: опыт эмпирического исследования

Хайрутдинова Резеда Рафаилевна ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18rezeda_raf@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена ростом этнокультурного многообразия в условиях активной миграции, что является серьезным вызовом для образовательных систем в большинстве стран мира. В современных психолого-педагогических исследованиях поднимается вопрос об интеграции детей мигрантов в принимающее сообщество средствами школьного образования. При этом достижение положительных результатов может определяться социокультурными установками и представлениями учителей. Научная новизна статьи определяется тем, что в отечественной науке заявленная проблема рассматривается впервые. Цель эмпирического исследования заключается в анализе социальной дистанции учителей по отношению к разным этнокультурным группам и выявлении способствующих этому факторов. В эксперименте приняли участие педагоги средних общеобразовательных школ Московского региона и Республики Татарстан. Для сбора и обработки данных использовалась модифицированная версия шкалы социальной дистанции Богардуса, методы описательной статистики и дисперсионного анализа. В целом результаты проведенного исследования демонстрируют позитивное восприятие этнокультурного многообразия школьными учителями. Степень взаимодействия с представителями традиционных для российского общества этнических и религиозных групп охватывает интервал на уровне социального слияния. Установки к группам мигрантов из северокавказских и центральноазиатских регионов зафиксированы в диапазоне социальной толерантности. Общий дисперсионный анализ показал значимую корреляцию между социальной дистанцией и регионом проживания, а также степенью взаимодействия респондентов с членами аутгрупп. Продолжением масштабного научного проекта станет изучение отношения российских учителей к культурному разнообразию в аспекте работы с детьми мигрантов в школьной образовательной среде. Материалы исследования могут быть полезны в практике высшего педагогического образования и системе повышения квалификации педагогических кадров.

Ключевые слова: учитель; культурное разнообразие; социальная дистанция; социальные установки; этнические группы; религиозные группы; мигранты; межкультурное взаимодействие; толерантность

Для цитирования: Хайрутдинова Р.Р. Восприятие культурного разнообразия школьными учителями: опыт эмпирического исследования // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2025. Т. 24. № 3. С. 50-61. <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2025-24-3-50-61>

Perceptions of cultural diversity among school teachers: an empirical study

Rezeda R. Khairutdinova

Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russian Federation
rezeda_raf@mail.ru

Abstract. The study is relevant due to growing ethnocultural diversity because of active migration, which poses a serious challenge to the education systems of most countries. Modern psychological and pedagogical research raises the issue of integrating migrant children into the host community through school education. Achieving positive results may be due to the sociocultural attitudes and perceptions of teachers. The scientific novelty of the research is determined by the fact that this issue is considered for the first time in Russian science. The goals of the empirical study are to analyze the social distance of teachers in relation to various ethnocultural groups and to identify the factors contributing to its formation. The experiment involved teachers from comprehensive schools in the Moscow Region and the Republic of Tatarstan. A modified version of the Bogardus Social Distance Scale, descriptive statistics, and variance analysis were used to collect and process data. Overall, the results of the study demonstrate a positive perception of ethnocultural diversity by school teachers. The degree of interaction with representatives of ethnic and religious groups traditional in Russian society covers a range at the level of social fusion. Attitudes toward migrant groups from the North Caucasus and Central Asia fall within the range of social tolerance. A general analysis of variance reveals a significant correlation between social distance and region of residence, as well as the degree of respondents' interaction with outgroup representatives. This large-scale study will continue to explore Russian teachers' attitudes toward cultural diversity in their work with migrant children in schools. The results of the study may be useful for higher pedagogical education and teacher training.

Keywords: teacher; cultural diversity; social distance; social attitudes; ethnic groups; religious groups; migrants; intercultural interaction; tolerance

For citation: Khairutdinova R.R. Perceptions of cultural diversity among school teachers: an empirical study. *Psychological-Pedagogical Journal "Gaudeamus"*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 50-61. (In Russian).
<https://doi.org/10.20310/1810-231X-2025-24-3-50-61>

ВВЕДЕНИЕ

На фоне растущей внешней миграции в большинстве стран мира исследователи акцентируют внимание на значимости образовательных организаций и роли школьного учителя в адаптации детей мигрантов [1]. Теоретики поликультурного образования Д. Бэнкс, Дж. Гай, О.В. Гукаленко и В.П. Борисенков [2–4] в своих трудах указывают на необходимость учета культурных различий в школьной среде для обеспечения равных образовательных возможностей для всех обучающихся. По мнению Р.Р. Хайрутдиновой и Ч.Р. Громовой, достижение положительных результатов в работе с детьми из семей инородных мигрантов может определяться установками и представлениями учителей относительно культурного разнообразия [5];

6]. К. Грант и В. Тейт утверждают, что для понимания того, как школы подходят к многообразию, важно сосредоточиться на предыдущем социальном опыте учителей и их отношении к различным этнокультурным группам, представленным в обществе [7].

Сущность понятий «социальная установка» и «социальная дистанция». В социально-гуманитарных науках сложились определенные теоретические предпосылки для изучения отношения представителей принимающего общества к мигрантам. Концепция «аттитюда» привлекала интерес многих зарубежных и российских ученых. Социальная установка как самостоятельная категория в научный оборот была введена А. Томасом и Ф. Знанецким в их классической работе по изучению польской иммиграции в США [8].

Г.М. Андреева раскрывает понимание сущности социальной установки как субъективной реакции индивида по отношению к социально значимым группам на основе предшествующего опыта [9]. М.В. Верещагина отмечает, что среди социальных установок наиболее важными являются этнические установки, которые имеют разную степень эмоциональной насыщенности и могут способствовать как формированию этнической толерантности, так и нетерпимости [10].

В социальной психологии широко используется термин «социальная дистанция». По мнению Л.Г. Почебут и Д.С. Безносова, социальная дистанция – это установка на интеграцию или обособление по отношению к другой этнокультурной общности [11]. Американский социолог Э. Богардус в 20-е гг. прошлого столетия создал модель измерения социальной дистанции, рассматривая ее как степень восприятия разных социальных групп [12]. Шкала Богардуса включает семь суждений, выражающих отношение респондентов к членам аутгруппы, начиная с «принятия в качестве друга или близкого родственника» до возможности «полного выдворения из своей страны». Данная методика по сей день успешно применяется для исследования межгрупповых отношений, связанных с расовой, этнической, религиозной принадлежностью, а также для выявления взаимосвязей между социальной дистанцией, этнокультурными установками, предрассудками, дискриминацией и иными социальными явлениями [13].

Культурное разнообразие России и межэтнические отношения в условиях роста миграции. Россия – одна из ведущих стран мира, обладающая необычайным культурным разнообразием. Это отражается в многообразии языков, религий и традиций населяющих страну народов. Достаточно сказать, что в ходе последней переписи населения 2020–2021 гг. в стране зафиксировано более 190 национальностей.¹ Шесть этносов – русские, татары, чеченцы, башкиры, чуваша, аварцы и армяне, имеют численность, превышающую 1 миллион чело-

век. Из них в первую тройку входят русские (105 млн), татары (4,7 млн), чеченцы (1,7 млн). Богатство языкового многообразия подтверждает наличие трех крупнейших языковых семей: индоевропейская, уральская и алтайская. Народы России говорят на 277 языках и диалектах, при этом в системе образования, по разным оценкам, функционирует более 70 национальных языков. Русский язык является государственным и служит языком межнационального общения. Кроме русского языка на территории РФ широко используются татарский, башкирский, чувашский, чеченский, аварский, даргинский и др. Важной характеристикой культуры российского общества является религиозное разнообразие. Народы России исповедуют как мировые, так и национальные религии. Религиозная структура отличается от европейской множеством верований, которые находятся за пределами традиционных практик. Вектором роста культурного многообразия в современный период становятся миграционные процессы. Основные потоки в страну идут с территорий СНГ, в последние годы преимущественно из Центральной Азии. Внешняя миграция существенно трансформирует парадигму народонаселения страны. В российском обществе появляются новые категории этнических меньшинств и национальных диаспор.

Процесс формирования российской национальной идентичности во многом определяется региональной составляющей. Россия включает значительное число исторически сложившихся национальных территориальных образований. Между ними издавна существовали экономические, политические, культурные, родственные связи, которые нашли отражение в общей российской культуре и мировоззрении. Вместе с тем российские регионы – это системы с разной степенью сбалансированности межкультурных отношений, которые можно определить как интегрированные и не интегрированные [14]. Р.Б. Шайхелисламов и Э.В. Садретдинова к первому типу относят межкультурные связи коренных народов, основанные на длительном историческом опыте. Второй тип межэтнических контактов, по мнению ученых, характеризует взаимодействие местного населения с этническими мигрантами [14].

¹ Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 года. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 25.01.2025).

Следует отметить, что в мировой науке проведены многочисленные исследования, фокусирующие внимание на различных аспектах, влияющих на специфику восприятия миграции в странах приема. Эти работы базируются на качественных и количественных стратегиях, позволяющих подтвердить или опровергнуть дискурсивные гипотезы. К настоящему времени сформировалась научная методология, основанная на экономическом и социально-культурном подходах. Согласно первому подходу, на отношение принимающего населения к мигрантам влияет потенциальный конфликт экономических интересов (С. Dustmann et al.; J. Lull) [15; 16]. Социокультурный подход основан на культурно-ценностном конфликте, разделении на «своих» и «чужих», усиленном этнокультурными стереотипами и предубеждениями (J. Heinmueller, D. Hopkins; A. Kustov) [17; 18].

В рамках данных теоретических концепций были выполнены исследования механизмов межкультурного взаимодействия в различных регионах России (И.Б. Бритвина, Т.А. Булатова, О.А. Демидова, Н.С. Иванова, А.В. Филькина, П.А. Шумилова и др.) [19–22]. Большинство из них подтвердило, что отношение представителей принимающего сообщества к мигрантам неоднородно и определяется наличием внешних и внутренних факторов. В частности, была доказана зависимость взглядов респондентов от экономической стабильности региона, характера и ресурсов этнокультурного многообразия, опыта взаимодействия с выходцами из других стран и т. д. Кроме того, установлено, что восприятие мигрантов коррелируется с социальным статусом респондентов, характеризующим уровень их дохода, образования, а также с такими индивидуальными характеристиками, как возраст, пол, национальность.

Восприятие внешних мигрантов в образовательной среде. В контексте нашей работы весьма актуален имеющийся опыт работ по изучению особенностей восприятия внешних мигрантов субъектами образовательных отношений. Ученые в таких исследованиях рассматривают стратегии межкультурного взаимодействия в тесной взаимосвязи с этнокультурными установками и социальной дистанцией респондентов. В частности, целый ряд публикаций посвящен изуче-

нию отношения студентов высших учебных заведений к представленным в обществе этническим группам мигрантов (Л.В. Абакумова, С.В. Гузенина, Х.С. Камалова, О.Е. Ляпунова, А. Моисеев, Н.К. Радина и др.) [23–26]. В ходе эмпирических исследований ученые зафиксировали наибольшую социальную дистанцию респондентов по отношению к представителям народов Северного Кавказа и Центральной Азии, что, по мнению В.А. Прохода, соотносится с общероссийскими тенденциями восприятия трудовой миграции из данных регионов [27]. С.В. Гузенина и Х.С. Камалова полагают, что неодобрительный образ мигранта в сознании молодых людей конструируется, прежде всего, под влиянием СМИ, интернет-ресурсов и социальных сетей [26]. В работе К. Кузьмина и его коллег проанализированы модели принятия многообразия в школьной среде сквозь призму этнических установок школьников и их родителей [28]. Исследователи пришли к заключению, что социальная дистанция учащихся к той или иной этнической группе (включая мигрантов) предопределена установками и стереотипами родителей. Установлено, что личный опыт межкультурного общения и возраст детей являются дифференцирующими признаками отношения к разнообразию. Подобные выводы подтверждаются результатами диссертационного исследования Н.С. Пугулян [29], где младший школьный возраст признан наиболее сензитивным для взаимного принятия и успешного взаимодействия детей – граждан и неграждан в образовательной среде. В данной работе экспериментально обосновывается эффективность использования бинарной модели социокультурной адаптации детей мигрантов при условии создания благополучной и безопасной принимающей среды обучения.

Вышеизложенный анализ источников позволил прийти к заключению, что специфика социальных установок школьных учителей в отечественной науке напрямую не рассматривались. В то же время за рубежом существует довольно большое количество публикаций, имеющих отношение к данной проблеме. Так, в ряде научных трудов представлены результаты изучения установок школьных учителей и студентов педагогических специальностей в контексте языкового,

этнического, религиозного многообразия общества (M. Dooly; B.B. Flores, H.L. Smith; M. Fine-Davis, D. Faas; W. McCorkle; L.A. Nguyen Luu, A. Borecki; P.P. Хайрутдинова, Б.Н. Абдулахамидова) [30–35]. Среди них особо следует выделить масштабное кросскультурное исследование M. Fine-Davis и D. Faas, проведенное в шести европейских странах [32]. На основе анализа массива экспериментальных данных эксперты установили, что в многокультурных обществах восприятие учащихся – некоренных жителей в школах лучше, чем в странах с меньшим опытом разнообразия. Таким образом, можно заключить, что позитивные межкультурные стратегии в государстве приводят к более инклюзивным отношениям в образовательной среде.

Цель исследования заключается в анализе социальной дистанции учителей по отношению к разным этнокультурным группам и выявлении способствующих этому факторов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании применялась модифицированная версия семибалльной шкалы социальной дистанции Богардуса, разработанная В.М. Сергеевым [12]. Градация шкалы включает три интервала, где низкие баллы (1–2) характеризуют открытость и готовность к слиянию с другой социальной группой, средние баллы (3–5) – социальную толерантность, а высокие баллы (6–7) – социальную изоляцию. Оценка ответов по шкале проводилась суммарно, то есть при наличии нескольких ответов засчитывался показатель, отражающий наиболее приемлемую степень принятия респондентами представителей иных социальных групп.

Принимая во внимание этноконфессиональное многообразие исследуемых регионов и текущую миграционную ситуацию, мы предложили респондентам указать предпочтительную социальную дистанцию по отношению к русским, татарам, народам-представителям северокавказского и центральноазиатского регионов. Кроме того, в список были включены наиболее распространенные в стране религиозные группы православных христиан и мусульман.

Генеральную совокупность выборки составили 380 педагогов из двух мультикуль-

турных регионов РФ – Москва и Московская область и Республика Татарстан. 15 бланков оказались частично или полностью не заполненными, поэтому для дальнейшего анализа использовались 355 анкет. Участие в исследовании носило добровольный характер. Полностью соблюдалась анонимность личных данных участников.

Женщины составили 95,2 % ($n = 338$), мужчины – 4,8 % ($n = 17$) выборки. Средний возраст респондентов – 50 лет, диапазон варьировался от 19 до 57 лет. Национальный состав участников: 55 % ($n = 195$) – русские, 43,3 % – татары ($n = 154$), 1,7 % ($n = 6$) – удмурты, евреи, армяне, азербайджанцы, лезгинны. 69,3 % респондентов ($n = 246$) проживают в Казани и Республике Татарстан, 25,9 % ($n = 92$) – в Москве и Московской области. 17 человек не указали место своего проживания.

Для обработки и интерпретации эмпирических данных использовался метод описательной статистики и метод дисперсионного анализа (ANOVA).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В таблице 1 представлены результаты, полученные при измерении социальной дистанции респондентов к разным этническим и религиозным группам.

Полученные данные демонстрируют наименьшую социальную дистанцию по отношению к русским, православным христианам, татарам и мусульманам (менее 2 баллов). Данный диапазон рассматривается В.М. Сергеевым [12] в рамках социального слияния. Оптимальная дистанция к северокавказским и центральноазиатским народам составляет 3,74 и 3,97 балла, что соответствует показателю «социальная толерантность».

Статистическое сравнение средних значений с применением ANOVA выявило достоверно значимые различия между группами русских и мусульман, русскими и татарами, православными христианами и мусульманами, хотя они оказались сравнительно невелики, с показателями социальной дистанции относительно двух других инокультурных групп (табл. 1).

Следующим этапом исследования стала оценка взаимосвязи гипотетически выделенных нами факторов (национальность и реги-

он проживания) с установками респондентов относительно культурного разнообразия. В процессе формирования стратифицированной выборки были определены три группы: русские в Московском регионе ($n = 69$), русские в Республике Татарстан ($n = 105$), татары в Республике Татарстан ($n = 99$). Подобный состав обоснован небольшой представ-

ленностью участников других национальностей в совокупной выборке. Кроме того, среди респондентов оказалось только двое татар, проживающих в Москве.

Далее мы провели анализ с применением ANOVA, взяв в качестве группирующих переменных национальность и регион проживания респондентов (рис. 1).

Социальная дистанция между респондентами и разными этнокультурными группами
 Table 1
 Social distance between respondents and different ethnocultural groups

Социальная группа Social group	Среднее значение Mean value	Стандартное отклонение / Standard deviation				
		православные христиане Orthodox Christians	татары Tatars	мусульмане Muslims	жители Северного Кавказа Residents of the North Caucasus	жители Центральной Азии Residents of Central Asia
Русские Russians	1,59 (1,08)	-0,14	-0,33*	-0,46**	-2,06**	-2,22**
Православные христиане Orthodox Christians	1,71 (1,32)		-0,19	-0,32*	-1,92**	-2,07**
Татары Tatars	1,86 (1,44)			-0,13	-1,73**	-1,88**
Мусульмане Muslims	1,96 (1,51)				-1,60**	-1,75**
Жители Северного Кавказа Residents of the North Caucasus	3,74 (2,28)	*				-0,15
Жители Средней Азии Residents of Central Asia	3,97 (2,31)					

Примечание. * – коэффициент значим при $p < .0$; ** – коэффициент значим при $p < 0,001$.
 Note. * – coefficient is significant at $p < .0$; ** – coefficient is significant at $p < 0.001$.

Социальная дистанция

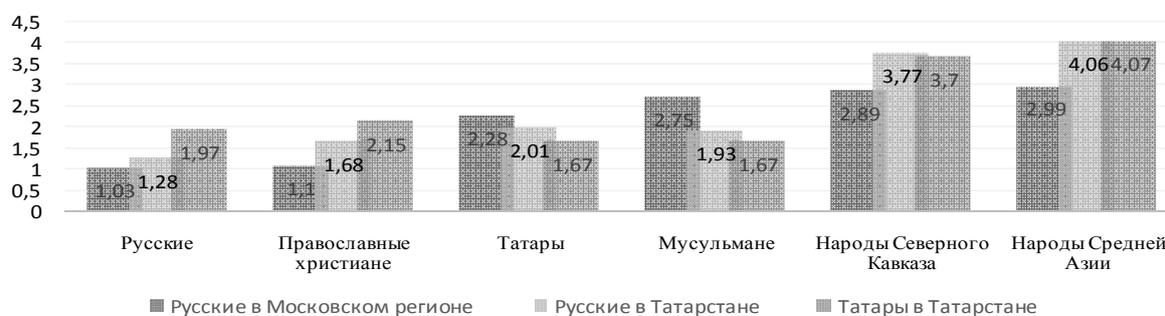

Рис. 1. Социальная дистанция респондентов в зависимости от национальности и региона проживания
 Fig. 1. Social distance of respondents depending on nationality and region of residence

Общий дисперсионный анализ выявил статистически значимые различия ($F = 10,70$, $p < 0,001$). Как видно на диаграмме (рис. 1), они варьируются в зависимости от региона проживания или национальной принадлежности участников эксперимента. Между тем культурная дистанция к мусульманам, народам северокавказских и центральноазиатских республик значительно отличается по показателю места проживания. Иными словами, респонденты из Московского региона более дистанцированы от мусульман и значительно меньше от народов Северного Кавказа и Центральной Азии, чем респонденты из Республики Татарстан.

Результаты, полученные в процессе исследования, убедительно демонстрируют минимальную культурную дистанцию учителей по отношению к коренным жителям страны, православным христианам и мусульманам. Участники опроса заявили о потенциальной возможности принять их в качестве близких родственников или друзей. Все эти хорошо известные факты объясняются исторически сложившимися экономическими, культурными и социальными связями народов, населяющих Россию.

Зафиксированный диапазон межкультурного взаимодействия с выходцами из стран Северного Кавказа и Центральной Азии находится в пределах толерантности. Из этого следует, что учителя готовы принять присутствие этих этнических групп в российском обществе как объективную реальность. Респонденты готовы сотрудничать с ними на работе, жить в одном городе или районе. Между тем неоспоримо то, что дистанция к инокультурным группам мигрантов оказалась вдвое дальше, чем к коренным жителям страны. Мы объясняем подобную ситуацию как межкультурными различиями, так и постоянно растущей трудовой миграцией с постсоветских территорий.

В ходе эмпирического исследования подтвердилась рабочая гипотеза, согласно которой характер восприятия культурного разнообразия зависит от региона проживания респондентов и тесноты межкультурных контактов. В частности, учителя Москвы и Московской области демонстрируют несколько большую степень принятия этнических групп с Северного Кавказа и Центральной Азии, чем

учителя из Татарстана. Основную причину мы видим в концентрации внешних мигрантов в столичном регионе, что влечет за собой более активное социальное взаимодействие. Подобным образом можно объяснить и близость социальной дистанции к мусульманам в ответах учителей из Республики Татарстан, региона, исторически сохранившего наследие исламской культуры.

Общий вывод нашего исследования заключается в том, что большинство учителей демонстрируют позитивное восприятие культурного разнообразия, что свидетельствует о готовности взаимодействовать с представителями различных этнических групп, включая мигрантов, в тех или иных социальных ситуациях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты, полученные в рамках нашей работы, нельзя напрямую сравнить с другими эмпирическими исследованиями. Это обусловлено тем, что ученые используют различные методики и модифицированные версии шкалы социальной дистанции Богардуса, иной состав выборок, периоды проведения эксперимента и т. д. Не претендуя на фактическую точность своих суждений, попробуем определить основные тенденции в современных исследованиях. Во-первых, степень тесноты межкультурных взаимодействий в различных регионах страны неоднородна, хотя очевиден тот факт, что наиболее позитивно респонденты воспринимают коренных жителей страны. Во-вторых, у принимающего населения России присутствует настороженное отношение к мигрантам, обусловленное отсутствием личных контактов и низким уровнем их интеграции в российском обществе. В-третьих, среди респондентов разных социальных групп, включая субъектов образовательных отношений, школьные учителя демонстрируют наиболее толерантное принятие культурного разнообразия. Что касается факторов, влияющих на характер межкультурных взаимодействий, то исследователи выявляют различные уровни корреляции с такими переменными, как опыт взаимодействия, регион проживания, уровень образования, профессия, возраст, национальность, пол, СМИ и т. д.

В нашем исследовании было установлено, что социальная дистанция учителей по отношению к этническим группам Северного Кавказа и Центральной Азии значительно дальше, чем к представителям коренных российских народов, хотя и находится в пределах толерантности. Необходимо учитывать последствия этих выводов, так как потоки миграции, преимущественно из Центральной Азии, в российские регионы постоянно растут. Более того, Г. Горенчик и М. Татар, известные исследователи проблем между-

турного взаимодействия в образовательной среде, экспериментально установили, что отношение учителей к мигрантам не универсально и зависит от того, как проявляется на уровне общества или школы [36]. Из этого следует, что толерантные установки учителей могут меняться в процессе повседневной педагогической практики. Таким образом, возникает необходимость в специальном исследовании отношения учителей к разнообразию в аспекте взаимодействия с детьми мигрантов в образовательной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хайрутдинова Р.Р., Громова Ч.Р.* Школьный климат в контексте культурного разнообразия: теоретико-эмпирический анализ // Казанский педагогический журнал. 2025. Т. 31. № 1. С. 58-79. <https://doi.org/10.11621/KPJ-25-04>, <https://elibrary.ru/agqjik>
2. *Banks J.A.* Multicultural education and curriculum transformation // Journal of Negro Education. 1995. Vol. 64. № 4. P. 390-400. <https://doi.org/10.2307/2967262>
3. *Gay G.* Preparing for culturally responsive teaching // Journal of Teacher Education. 2002. Vol. 53. № 2. P. 106-116. <https://doi.org/10.1177/0022487102053002003>, <https://elibrary.ru/jocdal>
4. *Гукаленко О.В., Борисенков В.П.* Поликультурное образование и вызовы современности // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2018. № 2. С. 3-11. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2018-2-3-11>, <https://elibrary.ru/lbkijf>
5. *Gromova Ch.R., Khairutdinova R.R., Birman D.I., Kalimullin A.A.* Teaching technologies for immigrant children: an exploratory study of elementary school teachers in Russia // Intercultural Education. 2019. Т. 30. № 5. С. 495-509. <https://doi.org/10.1080/14675986.2019.1586215>, <https://elibrary.ru/uuqitb>
6. *Хайрутдинова Р.Р., Громова Ч.Р.* Дети мигрантов в российской школе: установки и практики учителей // Образование и саморазвитие. 2024. Т. 19. № 4. С. 242-257. <https://doi.org/10.26907/esd.19.4.18>, <https://elibrary.ru/yecddy>
7. *Grant C.A., Tate W.F.* Multicultural education through the lens of the multicultural education research literature // Handbook of Research on Multicultural Education / ed. by J.A. Banks, C.A.M. Banks. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2001. P. 145-166. <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:141067374>
8. *Гордеева С.С.* Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3 (27). С. 135-140. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140>, <https://elibrary.ru/usavmk>
9. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Наука, 1994. 324 с. <https://elibrary.ru/qxgvfn>
10. *Верещагина М.В.* Этническая идентичность и этническая толерантность русских и осетинских студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. 22 с. <https://elibrary.ru/queukat>
11. *Почебут Л.Г., Безносков Д.С.* Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран мира: взгляд из России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 66-84. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84>, <https://elibrary.ru/yvxxkly>
12. *Сергеев В.М.* Социальная дистанция и национальные установки // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 57-61. <https://elibrary.ru/kywuwv>
13. *Halperin E., Pedahzur A., Canetti-Nisim D.* Psychoeconomic approaches to the study of hostile attitudes toward minority groups: a study among Israeli Jews // Social Science Quarterly. 2007. Vol. 88. № 1. P. 177-198. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2007.00453.x>
14. *Шайхисламов Р.Б., Садретдинова Э.В.* Социальное измерение «дружбы и добрососедства народов» // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 628-634. <https://elibrary.ru/ucacmx>
15. *Dustmann C., Frattini T., Preston I.P.* The effect of immigration along the distribution of wages // Review of Economic Studies. 2013. Vol. 80. № 1. P. 145-173. <https://doi.org/10.1093/restud/rds019>
16. *Llull J.* Immigration, wages, and education: a labour market equilibrium structural model // The Review of Economic Studies. 2018. Vol. 85. № 3. P. 1852-1896. <https://doi.org/10.1093/restud/rdx053>

17. *Heinmueller J., Hopkins D.J.* Public attitudes toward immigration // *Annual Review of Political Science*. 2014. Vol. 17. P. 225-249. <https://doi.org/10.1146/annurevpolisci-102512-194818>
18. *Kustov A.* Is there a backlash against immigration from richer countries? International hierarchy and the limits of group threat // *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. № 5. P. 973-1000. <https://doi.org/10.1111/pops.12588>
19. *Филькина А.В., Булатова Т.А.* Региональная специфика отношения к мигрантам (на материалах Томской и Владимирской областей) // *Siberian Socium*. 2019. Т. 3. № 4 (10). С. 17-37. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-4-17-37>, <https://elibrary.ru/hgoiyo>
20. *Демидова О.А.* Отношение к иммигрантам в России: региональный аспект // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 3. С. 133-155. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.133-155>, <https://elibrary.ru/uczkdq>
21. *Иванова Н.С., Егорова Т.Д., Варшавер Е.А., Савин И.С.* «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов // *Актуальные проблемы Европы*. 2024. № 3 (123). С. 245-265. <https://dx.doi.org/10.31249/ape/2024.03.14>, <https://elibrary.ru/avvrxb>
22. *Бритвина И.Б., Шумилова П.А.* Отношение принимающего российского сообщества к иноэтничным мигрантам как фактор миграционного поведения (на примере жителей Екатеринбурга) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2025. Т. 25. № 1. С. 41-47. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-41-47>, <https://elibrary.ru/hcgbiw>
23. *Радина Н.К., Моисеев А.* Толерантность и социальная дистанция в восприятии этнических групп у студентов из Нижегородской области и промышленного центра // *Коммуникативистика: перспективы развития социально-гуманитарного знания*. Нижний Новгород: Нижегородский филиал государственного университета – Высшая Школа Экономики, 2010. Т. 19. С. 118-121. <https://elibrary.ru/qoaszv>
24. *Ляпунова О.Е.* Отношение студентов Архангельска к представителям различных этнических групп // *Интернет-журнал Науковедение*. 2014. № 5 (24). С. 51. <https://elibrary.ru/tkelvj>
25. *Абакумова И.В., Гришина А.В.* Отношение студентов к мигрантам как фактор и показатель этноконфессиональных установок современной молодежи // *Российский психологический журнал*. 2013. Т. 10. № 3. С. 22-28. <https://elibrary.ru/rcqffj>
26. *Гузенина С.В., Камалова Х.С.* Коллективный социокультурный портрет трудовых мигрантов в России // *Этнокультурное единство и многообразие*. Тамбов, 2021. С. 94-104. <https://elibrary.ru/huegdv>
27. *Прохода В.А.* Отношение к мигрантам и стратегии межкультурного взаимодействия в России и других европейских странах // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 60. С. 151-163. <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/14>, <https://elibrary.ru/joyyki>
28. *Kuzmin K., Petrova L., Popov D.* Migration and social distance: various ethnic groups as perceived by the Ural's schoolchildren and their parents // *International Dialogues on Education Journal*. 2015. Vol. 2. № 3. P. 6-16. <https://doi.org/10.53308/ide.v2i3.177>
29. *Путулян Н.С.* Педагогическая адаптация детей-мигрантов в начальной школе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2023. 24 с. <https://elibrary.ru/nixjms>
30. *Dooly M.* How aware are they? Research into teachers' attitudes about linguistic diversity // *Language Awareness*. 2005. Vol. 14. № 2-3. P. 97-111. <https://doi.org/10.1080/09658410508668827>
31. *Flores B.B., Smith H.L.* Teachers' characteristics and attitudinal beliefs about linguistic and cultural diversity // *Bilingual Research Journal*. 2009. Vol. 31. № 1-2. P. 323-358. <https://doi.org/10.1080/15235880802640789>
32. *Fine-Davis M., Faas D.* Equality and diversity in the classroom: A comparison of students' and teachers' attitudes in six European countries // *Social Indicators Research*. 2014. Vol. 119. № 3. P. 1319-1334. <https://doi.org/10.1007/s11205-013-0547-9>, <https://elibrary.ru/hjjuzz>
33. *McCorkle W.* The relationship between teachers' perceptions of migration and their attitudes toward immigrant students // *Review of Education in Social Studies*. 2019. Vol. 8. № 1. P. 66-91. <https://www.researchgate.net/publication/349439954>
34. *Nguyen Luu L.A., Borecki A.* Diversity and hungarian teachers' views on nationalism, migration and multiculturalism // *Intercultural Education*. 2022. Vol. 33. № 3. P. 264-281. <https://doi.org/10.1080/14675986.2022.2070376>, <https://elibrary.ru/bghris>
35. *Хайрутдинова Р.Р., Абдулахамидова Б.Н., Торошов Т.К., Капаров А.Ш.* Русский язык в Кыргызстане глазами студентов // *Интеграция образования*. 2023. Т. 27. № 3 (112). С. 373-389. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.112.027.202303.373-389>, <https://elibrary.ru/dwawzf>

36. Horenczyk G., Tatar M. Teachers' attitudes toward multiculturalism and their perceptions of the school organizational culture // *Teaching and Teacher Education*. 2002. Vol. 18. № 4. P. 435-445. [https://doi.org/10.1016/S0742-051X\(02\)00008-2](https://doi.org/10.1016/S0742-051X(02)00008-2)

REFERENCES

1. Khairutdinova R.R., Gromova Ch.R. School climate in the context of cultural diversity: theoretical and empirical analysis. *Kazan Pedagogical Journal*, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 58-79. (In Russian). <https://doi.org/10.11621/KPJ-25-04>
2. Banks J.A. Multicultural education and curriculum transformation. *Journal of Negro Education*, 1995, vol. 64, no. 4, pp. 390-400. <https://doi.org/10.2307/2967262>
3. Gay G. Preparing for culturally responsive teaching. *Journal of Teacher Education*, 2002, vol. 53, no. 2, pp. 106-116. <https://doi.org/10.1177/0022487102053002003>
4. Gukalenko O.V., Borisenkov V.P. Multicultural education and challenges of our time. *Lomonosov Pedagogical Education Journal*, 2018, no. 2, pp. 3-11. (In Russian). <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2018-2-3-11>
5. Gromova Ch.R., Khairutdinova R.R., Birman D.I., Kalimullin A.A. Teaching technologies for immigrant children: an exploratory study of elementary school teachers in Russia. *Intercultural Education*, 2019, vol. 30, no. 5, pp. 495-509. <https://doi.org/10.1080/14675986.2019.1586215>
6. Khairutdinova R., Gromova Ch. Migrant students in Russian schools: teachers' attitudes and practices. *Education and Self-Development*, 2024, vol. 19, no. 4, pp. 242-257. (In Russian). <https://doi.org/10.26907/esd.19.4.18>
7. Grant C.A., Tate W.F. Multicultural education through the lens of the multicultural education research literature. In: Banks J.A., Banks C.A.M. *Handbook of Research on Multicultural Education*. San Francisco, CA, Jossey-Bass, 2001, pp. 145-166. <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:141067374>
8. Gordeeva S.S. Essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology. *Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*, 2016, no. 3 (27), pp. 135-140. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140>
9. Andreeva G.M. *Social Psychology*. Moscow, Nauka Publ., 1994, 324 p. (In Russian).
10. Vereshchagina M.V. *Ethnic Identity and Ethnic Tolerance of Russian and Ossetian Students*. Cand. psychol. sci. diss. thesis. St. Petersburg, 2010, 22 p. (In Russian).
11. Pochebut L.G., Beznosov D.S. Perception psychology on social distance to different countries: Russian view. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 66-84. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84>
12. Sergeev V.M. Social distance and national attitudes. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2008, no. 2, pp. 57-61.
13. Halperin E., Pedahzur A., Canetti-Nisim D. Psychoeconomic approaches to the study of hostile attitudes toward minority groups: a study among Israeli Jews. *Social Science Quarterly*, 2007, vol. 88, no. 1, pp. 177-198. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2007.00453.x>
14. Shaikhislamov R.B., Sadretdinova E.V. The social dimension of "the friendship of peoples". *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2015, vol. 20, no. 2, pp. 628-634. (In Russian).
15. Dustmann C., Frattini T., Preston I.P. The effect of immigration along the distribution of wages. *Review of Economic Studies*, 2013, vol. 80, no. 1, pp. 145-173. <https://doi.org/10.1093/restud/rds019>
16. Llull J. Immigration, wages, and education: a labour market equilibrium structural model. *The Review of Economic Studies*, 2018, vol. 85, no. 3, pp. 1852-1896. <https://doi.org/10.1093/restud/rdx053>
17. Heinmueller J., Hopkins D.J. Public attitudes toward immigration. *Annual Review of Political Science*, 2014, vol. 17, pp. 225-249. <https://doi.org/10.1146/annurevpolisci-102512-194818>
18. Kustov A. Is there a backlash against immigration from richer countries? International hierarchy and the limits of group threat. *Political Psychology*, 2019, vol. 40, no. 5, pp. 973-1000. <https://doi.org/10.1111/pops.12588>
19. Filkina A.V., Bulatova T.A. Regional features of migrants' treatment (the case of the Tomsk and Vladimir regions). *Siberian Socium*, 2019, vol. 3, no. 4 (10), pp. 17-37. (In Russian). <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-4-17-37>
20. Demidova O.A. Attitude towards immigrants in Russia: regional aspect. *Spatial Economics*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 133-155. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.133-155>
21. Ivanova N.S., Egorova T.D., Varshaver E.A., Savin I.S. "To live just like we do": Russian residents' perceptions of migrant integration. *Current Problems of Europe*, 2024, no. 3 (123), pp. 245-265. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.31249/ape/2024.03.14>

22. Britvina I.B., Shumilova P.A. The attitude of the host Russian community towards migrants of other ethnicities as a factor in migration behavior (using the example of Yekaterinburg residents). *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 41-47. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-41-47>
23. Radina N.K., Moiseev A. Tolerance and social distance in the perception of ethnic groups among students from the Nizhny Novgorod region and the industrial center. In: *Communicative studies: prospects for the development of social and humanitarian knowledge*. Nizhny Novgorod, State University Branch in Nizhny Novgorod – HSE Publ., 2010, vol. 19, pp. 118-121. (In Russian).
24. Lyapunova O. Attitudes of Arkhangelsk students to different ethnic groups' representatives. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, 2014, no. 5 (24), art. no. 51. (In Russian).
25. Abakumova I.V., Grishina A.V. Students' attitudes towards migrants as a factor and an indicator of ethnic and religious attitudes of today's youth. *Russian Psychological Journal*, 2013, vol. 10, no. 3, pp. 22-28. (In Russian).
26. Guzenina S.V., Kamalova Kh.S. Collective social and cultural portrait of labor migrants in Russia. In: *Ethnocultural Unity and Diversity*. Tambov, 2021, pp. 94-104. (In Russian).
27. Prokhoda V.A. Attitude towards migrants and strategies of intercultural interaction in Russia and other European countries. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2021, no. 60, pp. 151-163. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/14>
28. Kuzmin K., Petrova L., Popov D. Migration and social distance: various ethnic groups as perceived by the Ural's schoolchildren and their parents. *International Dialogues on Education Journal*, 2015, vol. 2, no. 3, pp. 6-16. <https://doi.org/10.53308/ide.v2i3.177>
29. Putulyan N. S. Pedagogical Adaptation of Migrant Children in Primary School. Cand. ped. sci. diss. thesis. Kazan, 2023, 24 p. (In Russian).
30. Dooly M. How aware are they? Research into teachers' attitudes about linguistic diversity. *Language Awareness*, 2005, vol. 14, no. 2-3, pp. 97-111. <https://doi.org/10.1080/09658410508668827>
31. Flores B.B., Smith H.L. Teachers' characteristics and attitudinal beliefs about linguistic and cultural diversity. *Bilingual Research Journal*, 2009, vol. 31, no. 1-2, pp. 323-358. <https://doi.org/10.1080/15235880802640789>
32. Fine-Davis M., Faas D. Equality and diversity in the classroom: a comparison of students' and teachers' attitudes in six European countries. *Social Indicators Research*, 2014, vol. 119, no. 3, pp. 1319-1334. <https://doi.org/10.1007/s11205-013-0547-9>
33. McCorkle W. The relationship between teachers' perceptions of migration and their attitudes toward immigrant students. *Review of Education in Social Studies*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 66-91. <https://www.researchgate.net/publication/349439954>
34. Nguyen Luu L.A., Borecki A. Diversity and hungarian teachers' views on nationalism, migration and multiculturalism. *Intercultural Education*, 2022, vol. 33, no. 3, pp. 264-281. <https://doi.org/10.1080/14675986.2022.2070376>
35. Khairutdinova R.R., Abdulakhamidova B.N., Toroshov T.K., Kaparov A.Sh. The Russian language in Kyrgyzstan through the lens of students. *Integration of Education*, 2023, vol. 27, no. 3 (112), pp. 373-389. (In Russian). <https://doi.org/10.15507/1991-9468.112.027.202303.373-389>
36. Horenczyk G., Tatar M. Teachers' attitudes toward multiculturalism and their perceptions of the school organizational culture. *Teaching and Teacher Education*, 2002, vol. 18, no. 4, pp. 435-445. [https://doi.org/10.1016/S0742-051X\(02\)00008-2](https://doi.org/10.1016/S0742-051X(02)00008-2)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хайрутдинова Резеда Рафаиловна – кандидат филологических наук, доцент Института психологии и образования, зав. научно-исследовательской лабораторией социокультурных исследований в образовании Регионального научного центра Российской академии образования в Приволжском федеральном округе. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

E-mail: rezeda_raf@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8878-1926>

Вклад в статью: обзор источников, организация исследования, сбор и анализ эмпирического материала, написание текста рукописи.

Rezeda R. Khairutdinova – Candidate of Philology, Associate Professor of Institute of Psychology and Education, Head of Research Laboratory for Sociocultural Research in Education of Regional Scientific Center of the Russian Academy of Education in the Volga Federal District. Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

E-mail: rezeda_raf@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8878-1926>

Contribution: sources review, research organization, empirical material acquisition and analysis, manuscript writing.